

О небеса, да что здесь вообще происходит?!

Ван Шуай, только что вышедший из душевой, остолбенел. Его абсолютно голая шкура мгновенно впитала висевшее в воздухе напряжение — густое, взрывоопасное, готовое детонировать от малейшей искры. От этого запредельного градуса его моментально прошиб сухой жар.

Перед ним собственной персоной стояли двое легендарных богов Университета Б, которые, по слухам, органически не переносили друг друга. Один стоял спиной, другой — боком.

Дверь настезь, шторы ходят ходуном. Сюй Пэн застыл с отвалившейся челюстью, а сам Ван Шуай опешил ещё сильнее.

И главное... снизу-то сквозит! В такой критический момент оставалось уповать лишь на Сюй Пэна, который уже успел на автопилоте подняться со своего места.

Ван Шуай вопросительно вздёрнул брови:

— А?

«Брат, подай трусы!»

Ошарашенный Сюй Пэн ответил тем же вопросительным взглядом:

— А-а?..

«Я сам в шоке! Какой идиот поселил их в одну комнату?! Что нам делать?!»

Ван Шуай понизил интонацию:

— А-а?

«Трусы мне сначала подай!»

Сюй Пэн тоже понизил тон:

— А-а?..

«Предлагаешь делать ноги? Да куда мы дёрнемся? С какой скоростью надо рвать когти, чтобы нас не пришибли?»

Ван Шуай заиграл бровями, теряя остатки терпения:

— А-а-а!

«Тру-сы!»

Сюй Пэн подал знак глазами:

— А-а-а!!

«Валим?!»

Ван Шуай молча скривился: «Дебил...»

Поняв, что от этого тормоза толку не будет, Ван Шуай, осознавая всю безысходность своего сверкающего положения, решил действовать сам.

Прикрыв причинное место тазом, он только приготовился бочком подкрасться к трусам, как Чу Тань, до этого стоявший спиной, что-то почувствовал и медленно повернулся.

Воздух между ними натянулся до предела...

Тазик со звоном грохнулся на пол.

Чу Тань ощутил неладное в тот момент, когда уже положил матрас на каркас кровати. Рост в метр восемьдесят пять позволял ему расстелить постель, даже не забираясь на второй ярус. Прежде чем расправить одеяло, он обернулся.

Его скользкий взгляд совершенно равнодушно миновал полностью голого парня — дело житейское, в мужских общагах и не такое увидишь. Затем так же спокойно зацепил зависшего, словно древний компьютер, Сюй Пэна.

А затем он столкнулся взглядом с парой хищных, пронизательных глаз.

Цзинь Цзяньсин!

У Цзинь Цзяньсина были густые брови и выразительные глаза — типичная внешность того самого «первого парня на деревне», о котором с восторгом вздыхают бабушки. Густые длинные

ресницы, слегка приподнятые уголки глаз, выраженные припухлости нижних век... Попадая под его бесстрастный, чуть прищуренный взгляд, ощущая его тяжёлое, учащённое дыхание, невозможно было не почувствовать дерзкую, опасную ауру главного университетского хулигана.

Словно перед тобой стоял дикий зверь на охоте: выпрямленный хребет, напряжённый загривок, расставленные для броска мускулистые ноги. Каждая жила в нём натянулась, готовая в следующую секунду рвануть вперёд, сбить с ног и растерзать добычу.

Но Чу Тань не стал задерживать взгляд на его глазах. Из-за врождённого синдрома оральной фиксации его внимание сразу же приковала чужая лепка губ.

Сочные, чувственные, с выразительной капелькой по центру; горячее, агрессивное дыхание...

Эта внезапная волна влечения оказалась для Чу Таня сродни удару. В голове мгновенно вспыхнула дикая фантазия: эта «бестия» сходу сбивает его с ног, впивается своими сочными губами и жёстко, бескомпромиссно терзает его рот...

Мучительный, неконтролируемый зуд тут же охватил его собственные губы. Чу Тань невольно прикусил их белоснежными зубами.

Без колебаний он отвернулся и поглубже натянул капюшон на голову.

Он часто прибегал к этому приёму, чтобы заглушить вспыхнувшую страсть. И точно так же он пытался отгородиться от стоящего за спиной... «живого ростового макета идеальных губ».

Цзинь Цзяньсин, не спускавший глаз со спины Чу Таня, опешил.

Он на автомате принялся к своей футболке. Да глупости! Он же только что из душа. Какая бы важная работа над курсовой ни стояла, он не стал бы после баскетбольной площадки пренебрегать гигиеной. Раз дело не в запахе, значит, реакция Красавца Чу адресована лично ему.

Рядом, чёрт возьми, голый мужик стоит — и Чу Тань даже бровью не повелел! А стоит появиться ему, Цзинь Цзяньсину...

Исключительно на него!

Сперва Цзинь Цзяньсину показалось, будто у него галлюцинации. Он с минуту простоял в дверях, прежде чем окончательно убедился: у его кровати и впрямь расположился Красавец школы Чу — признанный символ архитектурного факультета, шарахавшийся от него с самого первого курса.

Стройный силуэт; тонкая талия, которую не мог скрыть даже просторный худи; длинные ровные ноги в тёмно-серых джинсах; безупречно чистые, без единой пылинки черно-белые кеды.

Он стоял спиной к двери, распрямив осанку, и точёными руками раскладывал молочно-белый матрас.

Правое запястье, выглядывавшее из рукава, казалось ещё белее и нежнее пухового одеяла. Левая рука сжимала край кровати — точёные фаланги, изящные длинные пальцы... Под стать его легендарному лицу.

И как всегда — накинутый капюшон. Человек-загадка.

И этот загадочный красавчик... с какого-то перепугу зарился на его спальное место?! Наводил порядок на его кровати! Занимал его территорию! И при этом делал вид, будто даже одного взгляда на хозяина — и того много?!

Адекватный вообще?!

Цзинь Цзяньсин тяжело выдохнул. Спортсмен, воспитанный в строгости армейской дисциплины, он источал сокрушительную, дерзкую ауру. Одно его присутствие заставляло окружающих поджимать хвосты.

Сейчас же от него пышило таким лютым жаром и злостью, что беднейший голыш Ван Шуай, только-только дотянувшийся до трусов, от испуга снова выронил их на пол...

Цзинь Цзяньсин чеканным шагом подошёл к Чу Таню почти вплотную — полметра, не больше:

— Давно не виделись, Ледяной красавец. А реакция на меня у тебя всё та же, а?

Обиду в его голосе не заметил бы только глухой.

«А Сун Синь-то как в воду смотрел...» — подумал Чу Тань. Зачислить их в одну комнату — это надо же было так попасть. Больше десяти тысяч студентов на втором курсе, и надо же такому случиться!

— Вот как? Не помню, — ровно отозвался Чу Тань.

Он действительно никогда не питал к Цзинь Цзяньсину личной неприязни. Напротив, всё упиралось исключительно в губы. Контролировать себя рядом с ними он был не в силах.

Чтобы не сотворить глупостей, приходилось держаться на расстоянии. Если он этим кого-то задел — что ж, жаль. Впрочем, Цзинь Цзяньсину плевать должно быть.

Но отвергнутый Цзинь Цзяньсин зацепился именно за фразочку «не помню».

Не помнит?! Что именно он не помнит — своё хамское отношение или вообще кто перед ним?!

Цзинь Цзяньсин этот игнор целый год переваривал! Первые полгода он бегал за ним, пытался заговорить, да только каждый раз натывался на глухую стену. Весь университет гудел о том, что два принца школы не переносят друг друга, а этот парень теперь заявляет... «не помню»?!

Цзинь Цзяньсин едва не расхохотался от злости.

Хотя, если по-чесноку...

Он не ожидал от Чу Таня такой выдержки. Раньше Цзинь Цзяньсину казалось, что этот вечно увиливающий красавчик — обычный кисейный книгочей. Думал, встретиться они лицом к лицу, стоит гаркнуть — и тот расплачется.

А Чу Тань его ни капли не боялся.

С той секунды, как заметил за спиной, и до сих пор — ни единой дрожи в голосе. Ледяное хладнокровие. И за всё время — ни одного взгляда в упор.

Вежливо, отстранённо, но хрен уступит.

Игра в одни ворота скучна. Куда интереснее, когда есть отпор!

А Цзинь Цзяньсин с детства отличался упрямым нравом. Чем усерднее ему что-то запрещают, тем сильнее хочется это заполучить. Чем неприступнее фрукт — тем азартнее сорвать!

Поскольку за спиной воцарилась тишина, Чу Тань решил, что инцидент исчерпан. Положив матрас, он собрался застелить постель. Завтра же придётся сходить к куратору и попросить о переводе — ради общего спокойствия.

Однако не успел он развернуть одеяло, как широкая ладонь с размаху прижала его к краю кровати.

Чу Тань сработал на опережение: едва чужие пальцы коснулись ткани, он мгновенно отдернул

руки.

Такая реактивность прихлясь Цзинь Цзяньсину явно не по вкусу — он аж зубами заскрипел. А Чу Тань, не оборачиваясь, лишь недоуменно нахмурился, гадаю, что ещё задумал этот деспот.

И тут у самого уха раздалось обжигающее дыхание и бархатистый голос с наглой хрипотцой:

— Раз уж Красавец Чу меня не помнит, с какого перепугу он полез на мою кровать?

На его кровать?

Чу Тань опешил. Когда это он успел забраться на его койку?

— Не веришь?

Цзинь Цзяньсин ткнул пальцем в именную табличку у изголовья. Перед глазами Чу Таня возникла чёрная косая черта.

— У вас на архитектурном факультете с понятливостью туго? Символ «одна косая черта» разглядеть не способны?

«Так это...»

Чу Тань замер. Вот что обозначал этот значок в системе!

— Ну раз Красавец Чу так не стесняется, отлично! Будем спать вместе!

Пока Чу Тань переваривал услышанное, Цзинь Цзяньсин перешёл к решительным действиям.

Обычное дело — пацаны на одной койке помнутся, ничего страшного! Раз уж Чу Тань так «жаждет» заселиться на его койку, почему бы и не потесниться? Этот недотрога давненько интриговал Цзинь Цзяньсина: целая эпопея с увиваниями и бегством длилась целый год. Сорвать с него покровы тайны прямо здесь и сейчас — отменный шанс!

Да и на одной кровати спать куда подручнее!

Не давая собеседнику опомниться, Цзинь Цзяньсин одной рукой сгрёб постельное бельё Чу Таня и свернул его обратно, а второй с лёгкостью подхватил свой огромный чемодан.

Тяжёлый багаж в мгновение ока взлетел на второй ярус.

Чу Тань онемел.

Он знал, что у спортсменов дурная сила, но чтобы настолько! Пятидесятидюймовый огромный чемодан, набитый под завязку, Цзинь Цзяньсин закинул наверх одной левой, даже не пошатнувшись.

Сказать, что тот проявил вежливость? Швырнул багаж, даже не выслушав объяснений. Сказать, что проявил наглость? Но ведь аккуратно подвернул матрас, чтобы не запачкать чужие вещи!

По полкровати каждому — предельно честно.

Точно так же, как и с прозвищами: за пару минут Цзинь Цзяньсин нагородил целую кучу — и «Красавец Чу», и «студент архитектурного факультета», и «Ледяной красавец»... При этом придвигался всё ближе и ближе.

Стильный мерзавец? Первостатейный деспот? Слухи не врут.

— Что, Красавец школы Чу недоволен? Слыхал я, будто ты самый неприступный заиндевевший цветок в Университете Б. А если я плевать хотел на твои запреты и решу дотронуться? Что ты мне сделаешь?

С этими словами Цзинь Цзяньсин шагнул вплотную.

Расстояние между ними сократилось до предела.

Настолько, что из-под глубокого капюшона блеснул изящный кончик носа. Чу Тань дёрнул головой, пытаясь уклониться, и на мгновение приоткрыл левое ухо, на мочке которого алела крошечная родинка... Рубиновая, яркая, словно капля свежей крови.

Родинка?

Эта алая точка будто ожила и въелась Цзинь Цзяньсину прямо в мозг. В пальцах зачесалось, тело перестало подчиняться разуму.

Захотелось немедленно снести все преграды, содрать эту проклятую ткань, скрывавшую от него чужое лицо...

Поддавшись импульсу, Цзинь Цзяньсин протянул руку и без колебаний сдёрнул с головы Чу Таня чёрный капюшон.

<http://bllate.org/book/20661/2105864>